

Из истории русского языка

Древнерусская фита и новгородский талмуд

Александр Игоревич Грищенко, Институт славяноведения РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва),
alexander.grishchenko@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170028366-1

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблеме происхождения особой манеры произношения и соответствующего написания кириллической буквы «фита» (Ϡ), восходящей к греческой «тэте» (Ϡ), в виде /ft/, что ранее было известно лишь в рутенской книжной традиции, преимущественно староукраинской, не старше начала XVII века. В качестве рабочей гипотезы предложен контаминированный характер написаний типа *ѡт* / *ѡтм* / *тѡ* / *тѡф*, возникших в результате приспособления латинского сочетания *th*, соответствующего «тэте-фите», восточнославянскими книжниками, знакомыми как с латинским, так и с греческим языком; при этом следует иметь в виду, что смешение «фиты» и «ферта» (Ф) и произношение обеих как /f/ — специфически восточнославянская черта, практически неизвестная средневековым южнославянским книжникам, поэтому и произношение «фиты» как /ft/ могло появиться только на Руси. В качестве самых ранних книжных примеров написаний, отражающих произношение /ft/, предлагаются случаи, отмеченные в Правленом славяно-русском Пятикнижии XV века: *Кааѡтѣ* (для греч. *Καάθ* и лат. *Caath*), *Наѡтанаилѣ* (*Ναθαναήλ* / *Nathanahel*) и *Масуроѡтѣ* (*Μασουρώθ* / *Moseroth*). Правленое Пятикнижие было одним из источников, использованных при составлении Геннадиевской Библии в конце XV в., и среди новых переводов с латыни, подготовленных в кружке новгородского архиепископа Геннадия, распространилась передача этимологической греческой «тэты» и латинского сочетания *th* при помощи двойного написания *тѡ* или *ѡт* (в основном с надстрочным элементом), которые могли читаться как /tf/ или /ft/.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кириллица, церковнославянский язык, история орфографии, славянская библеистика, иудео-славянские отношения, рутенская культура

для цитирования: Грищенко А. И. Древнерусская *фита* и новгородский *талмуд* // Русская речь. 2023. № 5. С. 52–68. DOI: 10.31857/S013161170028366-1.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РЦНИ в рамках научного проекта № 21-012-41004. Автор выражает глубокую благодарность братии Хиландарского монастыря на Св. Горе Афон и Хиландарской исследовательской библиотеке в Университете штата Огайо (Колумбус, США) в лице проф. Мери-Ален Джонсон за возможность пользоваться копиями микрофильмированной рукописи, упомянутой в статье. Также автор благодарит за библиографическую помощь А. Ю. Виноградова (НИУ ВШЭ, Москва), А. Д. Паскаля (РГБ, Москва) и С. В. Полехова (РАНХиГС, Москва).

From the History of the Russian Language

The Old Russian *Theta* and a Novgorodian *Talmud*

Alexander I. Grishchenko, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences;
HSE University (Russia, Moscow), alexander.grishchenko@gmail.com

---

ABSTRACT: The article deals with the problem of the origin of the special manner of pronunciation and corresponding spelling of the Cyrillic letter “fita” (Ѡ), going back to the Greek “theta” (Θ), as /ft/, which was previously known only in the Ruthenian book tradition, mostly Old Ukrainian, not older than the early 17th century. I propose a working hypothesis that the spellings *Ѡт* / *Ѡм* / *Ѡѡ* / *Ѡѡѡ* had a contaminated nature, which arose as a result of the adaptation of the Latin *th*, corresponding to “theta-fita,” by East Slavic scribes familiar with both Latin and Greek. It should be kept in mind that the confusion of “fita” and “fert” (Ѡ) and the pronunciation of both as /f/ was a specifically East Slavic feature, almost unknown to medieval South Slavic scribes, so the pronunciation of “fita” as /ft/ could appear only in Rus’. As the earliest bookish examples of spellings reflecting the pronunciation /ft/ are suggested the cases noted in the Edited Slavonic-Russian Pentateuch of the 15th century: *КааѠтѡ* (for Greek *Καάθ* and Latin *Caath*), *НаѠтанаилѡ* (*Ναθαναήλ* / *Nathanahel*), and *МасуѠѡтѡ* (*Μασουρωθ* / *Moseroth*). The Edited Pentateuch was one of the sources used in compiling the Gennadian Bible in the late 15th century, and among the new

translations from Latin, prepared in the circle of Archbishop Gennadius of Novgorod, the transmission of the etymological Greek “theta” and the Latin *th* by the twofold spelling *mθ* or *θm* (mostly with the superscript element) spread, and these ones could be read as /tʃ/ or /fʃ/.

KEYWORDS: Cyrillic script, Church Slavonic, history of orthography, Slavonic Biblical studies, Jewish-Slavonic relationship, Old Ruthenian culture

FOR CITATION: Grishchenko A. I. The Old Russian *Theta* and a Novgorodian *Talmud*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 52–68. DOI: 10.31857/S013161170028366-1.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was funded by RFBR, project number 21-012-41004. I express my deep gratitude to the Monks of Hilandar Monastery on St. Mount Athos and to the Hilandar Research Library at The Ohio State University (Columbus, USA), represented by Prof. Mary-Allen Johnson for the opportunity to use the copies of the microfilmed manuscript mentioned in the article. I am also grateful for the bibliographic assistance of Andrey Vinogradov (HSE University, Moscow), Alexander Pascal (Russian State Library, Moscow) and Sergey Polekhov (RANEPa, Moscow).

Памяти профессора Игоря Георгиевича Добродомова (1935–2022)

В древнегреческом языке было две фонемы, совершенно чуждые фонетической системе как праславянского языка, так и всех его средневековых потомков, — придыхательные, то есть произносившиеся с дополнительным горланным шумом, /p^h/ и /t^h/, которые передавались буквами Φ «пхи» и Θ «тхэта» соответственно. Судя по всему, уже в эллинистическую эпоху, особенно к моменту создания на греческом языке книг Нового Завета, они утратили придыхание и стали произноситься как щелевые тех же мест образования, и получились губно-зубная /f/, букву для которой стали называть и до сих пор называют «фи», и межзубная /θ/, которую по-русски нельзя назвать никак иначе, как «тэта», поскольку межзубное ее произношение — в отличие от вполне уже привычного φ — русским языком так и не было освоено. Впрочем, мы все хорошо знаем, как звучит английское *th* в глухом варианте (и даже транскрибируется при помощи той же греческой «тэты»), например в словах *three* ‘три’ или *thanks* ‘спасибо’; примерно так же звучала «тэта» в греческом языке византийской эпохи, когда появились первые переводы Евангелия на старославянский язык, и звучит до сих пор в современном греческом.

Как же с передачей этих особенных фонем, прежде всего в именах собственных (например, Φίλιππος / Филипп или Μάρθα / Марфа), справлялись первые переводчики с греческого на старославянский, которыми обычно считаются

святые равноапостольные Мефодий и Кирилл (он же Константин Философ)? В первом славянском алфавите, созданном ими, — глаголице — особой буквой, вероятно, передавалась только греческая «фи» (которая получила загадочное название **Фрътъ** — в современном русском «ферт»), причем она была несколько похожа на «тэту» (**Ф**), тогда как греческой «тэте» в глаголических формах соответствовала буква **тврѣдо** (в современном русском — «твёрдо»), то есть /θ/ передавалась через /t/: греческое имя *Φίλιππος* записывалось глаголицей как **ФѢЛѢФѢ** (*Филипъ* в кириллической транслитерации), а евангельское имя *Μάρθα* арамейского происхождения, но также попавшее в старославянский язык через греческое посредничество — как **ФѢТЬЭСОѢ** (*Марта*) или, со вставным «ером», **ФѢТЬЭСОѢ** (*Марѣта*). Впрочем, в древнейших глаголических памятниках — Мариинском и Зографском евангелиях X–XI вв. — по одному разу встречаются и написания с собственно греческой «тэтой» (**Ф**), и позже она вполне осваивается новым славянским алфавитом — кириллицей, которая по сути представляла собой дополненный греческий алфавит, и в кириллице Марфа пишется уже как **Марфа**. Эту освоенную «тэту» принято называть **фита** (в современном русском — *фита́*) — в соответствии с византийским (и новогреческим) произношением, где долгое *ē* (передававшееся буквой *η* «эта») стало звучать как *i*, и именно эта буква была в собственно греческом названии *θητα* /θíta/. В средневековых южнославянских рукописях «фита» конкурировала с *t* в словах с греческой «тэтой», но в итоге в современных языках православных южных славян победило написание через *t*, поэтому Марфа по-болгарски и по-сербски — *Марта*, а Мефодий (по-гречески *Μεθόδιος*) — *Методий* и *Методије* соответственно. В языках европейских народов, в том числе славян, исповадавших католицизм, а потому в качестве эталонного церковного языка использовавших не греческий, а латынь, грецизмы (и семитизмы, прошедшие через греческое посредничество) с «тэтой» записывались, естественно, латинскими буквами, но «тэта» передавалась в них, как и в латыни, сочетанием *th* (в соответствии еще с совсем древним произношением), хотя произносилась как /t/, а «фи» — сочетанием *ph*, которое в итоге стало произноситься как /f/. Так, например, даже в современном английском имя *Thomas* произносится с начальным /t/, а не /θ/, вопреки написанию, в церковнославянском же это, конечно, **Фома**, так что американские анимационные герои *Том и Джерри* (*Tom and Jerry*) — это по-русски *Фома и Ерема*.

Почему же в русском «фита» стала произноситься как «ферт», а не «тврѣдо»? Причины этого явления еще не до конца изучены, но главной предпосылкой для того, чтобы смешивать слова с **Ф** и **Ф**, было их греческое происхождение, а со знанием греческого языка в Древней Руси дела обстояли явно хуже, чем на славянском Юге, где болгарские и сербские книжники находились в постоянном контакте с греческими книгами и грекоязычными собратьями. Если в древнейшей точно датированной книге Руси (и вообще славянского мира) — Остромировом Евангелии 1056–57 гг. — **Ф** и **Ф** еще не путаются, то в следующем по известной дате создания кодексе — Изборнике Святослава

1073 г., переписанном с древнеболгарского Сборника царя Симеона начала X в., — такие примеры попадают уже десятками: на написание **анфрактъсѣ** в нем (вместо правильного **анѣрактъсѣ** в соответствии с греч. *ἀνθραξ* 'уголь' — отсюда современное *антрацит*, заимствованное через латинское посредничество) обратил внимание крупнейший славянский палеограф и историк языка Е. Ф. Карский [Карский 1928: 209]¹. Количество неправильных написаний — с «ѣтой» вместо «ѣрта» и с «ѣртом» вместо «ѣты» — в дальнейшем только возрастает: их уже существенно больше в Архангельском Евангелии 1092 г., и совершенно регулярной такого рода взаимная мена становится в Мстиславовом Евангелии начала XII в., не говоря уже о древнерусской эпиграфике и берестяных грамотах. Этимологически правильное написание **Ѡ** и **Ѣ** в средневековых восточнославянских рукописях — признак высокой учености книжника и, вероятно, владения греческим языком. Когда церковнославянский язык начинает кодифицироваться в трудах православных книжников Речи Посполитой — в словарях Лаврентия Зизания «Лексис» (1596) и Памвы Берынды «Лексикон славеноросский» (1627), а также в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619), — устанавливается этимологический принцип употребления на письме «ѣты» и «ѣрта», хотя звучать они продолжают одинаково — как /f/. В ходе петровской реформы русской графики в обновленном алфавите были оставлены обе буквы, пусть и в гражданском начертании [Азбука гражданская 1710: 3, 5], но уже в том же XVIII веке высказывались соображения о том, что одна из них лишняя [Григорьева 2004: 12–31]. В итоге «ѣта», сохраняясь в церковнославянских изданиях, придерживающихся традиционной графики, была исключена из русского алфавита во время реформы 1917–1918 гг. и заменена на «ѣрт», который, чтобы избавиться от каких-либо религиозных коннотаций, стали называть просто «ѣф».

Однако кроме общераспространенной среди восточнославянских книжников как московских и новгородских, так и староукраинских и старобелорусских земель манеры произношения «ѣты» как /f/ Б. А. Успенским в его докторской диссертации было подробно описано и другое ее произношение, причем специфически рутенское, — как /ft/ [Успенский 1971: 379–400]². Эта манера была характерна по преимуществу для староукраинского ареала,

¹ В Изборнике 1073 г. (Син. 1043) не только «ѣта» заменяется «ѣртом», но и наоборот — ср. красноречивый пример сразу с двумя этими буквами, где они были спутаны: Иафет, один из трех сыновей Ноя, именуется по-гречески *Ἰάφεθ*, и он трижды упоминается в этом памятнике в ошибочном написании (**ѡѣѣфоѣ** 137г, **ѡѣѣфовѡ** 138г, **ѡѣѣфоѣ** 139а). Кстати, современное русское *Иафет* — один из тех редких случаев, когда «тэта» в библейском имени передается через «т»: дело в том, что так оно регулярно писалось в восточнославянской рукописной традиции книги Бытия и даже в первопечатной Острожской Библии 1581 г. Гречизированная форма **ѡѣѣѣѣ** закрепилась только в Елисаветинской Библии 1751 г. и употребляется только в богослужебных текстах на современном церковнославянском.

² В сжатом виде эта особенность староукраинского произношения «ѣты» описана им в опубликованных работах [Успенский 1969: 250–252; Успенский 1975: 182–183] и кратко упомянута — в учебнике по истории русского литературного языка [Успенский 2002: 356, 446].

считалась «провинциальной» (в отличие от стандартного чтения «өиты» как /f/), хотя восходит к одной из разновидностей церковного произношения, и большая часть свидетельств о ней относится к XVIII веку. Хотя старшие свидетельства этой специфической манеры произношения «өиты» Б. А. Успенский приводит лишь с начала XVII в. («*Афтанасъ* в лемковской Фолварской грамоте 1607 г.» [Успенский 1971: 385]), ее истоки, по-видимому, следует искать в еще более ранней книжной традиции, — и здесь в первую очередь обращает на себя внимание одна интересная орфографическая особенность, которую заметили исследователи Геннадиевской Библии, первого практически полного библейского свода на церковнославянском языке, подготовленного в конце XV в. при дворе новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова): «Пристальное изучение списков перевода позволило описать языковые черты, характерные для XV–XVI вв., а также специфические особенности, присущие переводческой школе Геннадиевского кружка. К последним, в частности, относится передача латинского сочетания *th*, соответствующего греческой букве *θ*, кириллическим *t* с выносной фитой (*t^ө*). Необходимо, однако, оговориться, что подобное сочетание, будучи наглядной иллюстрацией схоластического отношения переводчиков к своей работе, было непривычно и для писцов-современников, в связи с чем даже в списках XV в. оно имеет большое число разночтений» [Ромодановская 2013: 281].

Среди участников Геннадиевского кружка многие знали латынь (прежде всего монах-доминиканец Вениамин, прибывший в Новгород, по-видимому, из Чехии [Турилов 2004], и Дмитрий Герасимов [Макарий 2006]) и переводили с нее недостающие ветхозаветные книги (1–2 Паралипоменон, 1–3 Ездры, Неемии, Товита, Иудифи, Премудрости Соломона, 1–2 Маккавейские) и отдельные главы (10–16 Есфири, 1–25, 46–51 пророка Иеремии, 45–46 пророка Иезекииля), ранее не переведенные с греческого на церковнославянский [Алексеев 1999: 197; Ромодановская 2005: 585]. Для передачи в новых переводах с латыни латинского *th*, соответствующего греческой «тэте», геннадиевские книжники использовали не только написание *т̑*, приведенное В. А. Ромодановской (их немало, например, в 1-й книге Ездры), но и *ф̑*, с «өитой» в строке и выносным «твердом», что можно обнаружить в начале 1-й книги Паралипоменон (1 Пар 1:5) старшего полного списка Геннадиевской Библии 1499 г. (*Син. 915*, л. 250 об. — см. рис. 1): **с̑нѣ ѡ ф̑ е т о в ы : гомеръ : магогъ : мадаи : и̑аванъ : ф̑ ѳ в а л ѳ : мосѡ : т и р а с ѳ** — ср. греческий текст: *υἱὸὶ Ιαφεθ Γαμερ Μαγωγ Μαδαϊ Ιουαν Ελισα Θοβεζ Μοσοχ καὶ Θιρας* — и латинский: *filiī Iafeth Gomer Magog Madai et Iavan Thubal Mosoch Thiras* [выделение наше. — А. Г.]. Если сравнить этот перечень имен с тем, который представляет Елисаветинская Библия 1751 г., сверенная с греческим оригиналом (**Сынове і а ф е ф о в ы : гамеръ и̑ магогъ и̑ мадаи, іуванъ, елїса и̑ ф о в е л ѳ, и̑ мосохъ и ф і р а с ѳ**), то видно, что вариант Геннадиевской Библии зависит именно от латинского, при этом сочетание *th* дважды было передано просто через *t* (*Афетовы, Тирасъ*) и один раз — при помощи сочетания *өт*, в котором

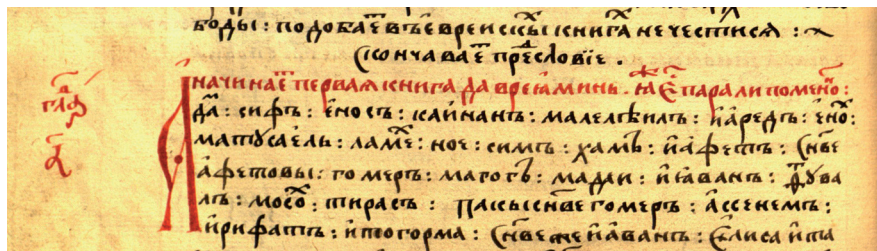

Рис. 1. Начало 1-й книги Паралипоменон в Геннадиевской Библии 1499 г.

Fig. 1. The beginning of 1 Chronicles in the Gennadian Bible of 1499

второй элемент был написан над строкой (*Отуваля*). Учитывая, что «ѳита» продолжала читаться как /f/, то сочетание *ѳт* читалось здесь, видимо, как /ft/, то есть ровно так же, как «ѳита» сама по себе произносилась в староукраинской традиции, засвидетельствованной через столетие с лишним. Однако встречается и сочетание *тѳ*, записанное целиком в строке, как в имени *Asermoth* (1 Пар 1:20, греч. нет, в русском Синодальном переводе — *Хацармавет*) — *ѳсормотѳъ* (Син. 915, л. 251), то есть кириллическое соответствие латинскому *th* могло читаться и как /tf/. При этом для его передачи в той же самой книге использовалась еще и одиночная «ѳита», например в именах *Sabatha* (1 Пар 1:9, ср. греч. *Σαβαθα*) — *савѳа* или *Сарthurim* (1 Пар 1:12, греч. нет) — *капѳри* (Син. 915, л. 250 об.), а также и традиционный для восточнославянской книжности «ферт»: *Mathania* (1 Езд 10:27, ср. греч. *Μαθανια*) — *нафанѳа*, хотя в предыдущем стихе то же имя записано правильно — как *маѳанѳа*, а чуть ниже (1 Езд 10:30) — в той самой геннадиевской манере как *маѳанѳа* (Син. 915, л. 304 об.).

В связи с таким разнообразием написаний возникает сразу несколько вопросов. Во-первых, какое из них было изначальным — *ѳ* или *ѳ* — и как оно читалось: /tf/ или /ft/? Во-вторых, каково происхождение первоначального написания и его чтения? В-третьих, почему оно закрепилось лишь в рутенской традиции и никак не повлияло на великорусскую?

Поскольку Б. А. Успенский сообщал о написаниях, предполагающих лишь чтение /ft/, причем исключительно в рутенском ареале, перед ним стоял только второй вопрос, и ему «[к]ажется совершенно неосновательным объяснение тех ученых [здесь идут ссылки на И. И. Огиенко, будущего митрополита Украинской греко-православной церкви в Канаде Илариона, и на краткое замечание немецкого слависта Петера Хюбнера в его книге 1966 г. — А. Г.], которые рассматривают произношение фиты в виде *ѳт* как результат объединения двух способов произнесения данной буквы, известных вообще в Юго-Западной Руси, — в виде *ѳ* и в виде *т* [второй способ — под латинским влиянием. — А. Г.]. Гораздо более вероятно, что данное произношение представляет собой результат сильного подражания греческому произношению соответствующей буквы („тѳты“), причем само стремление к уподоблению греческому

произношению могло быть обусловлено вторым южнославянским влиянием» [Успенский 1971: 387–388]. Однако это «посильное подражание» греческому произношению (или «посильное приближение» к нему [Успенский 1969: 251]) вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, совершенно неизвестна степень владения греческим языком у восточнославянских книжников в эпоху «второго южнославянского влияния», точнее, вряд ли кто-то из них, кроме тех, кто постоянно жил или регулярно бывал в Константинополе и на Афоне, владел греческим. Те же книжники, причем не только восточнославянские, но в первую очередь южнославянские, которые владели греческим языком³, использовали на письме для передачи греческой «тэты» обычную кириллическую «ѳиту», правда доподлинно неизвестно, как именно они ее произносили: скорее всего, так же, как и греки, то есть /θ/, коль скоро они владели греческим, а придумывать какую-то особую манеру произношения «тэты-ѳиты» в этой ситуации представляется довольно странным; не владевшие же греческим языком восточнославянские писцы продолжали путать «ѳиту» и «ѳерт». Кроме того, если нам известно о написаниях типа *тѳ* на месте греческой «тэты», то именно такие написания, а не *ѳт*, оказываются в произношении ближе к /θ/. Во втором случае артикуляция начинается с щелевого элемента /f/ и завершается взрывным /t/, тогда как в первом — наоборот, артикуляция завершается щелью, что в целом может создать впечатление если не целиком щелевого звука, то по меньшей мере аффрикаты, поэтому «посильным подражанием» греческому произношению оказывается скорее /tf/, нежели /ft/.

Нельзя при этом исключать и чисто графического происхождения написаний *ѳ* или *ѳ̣* (за которыми могло стоять произношение /tf/ или /ft/), от чего столь безапелляционно отмахивается Б. А. Успенский. Так, в одном из ранних кодексов — начала 1490-х гг., то есть заведомо до создания полного свода 1499 г., — содержащих геннадиевские переводы библейских книг с латыни на церковнославянский, уже упоминавшееся по основному списку Геннадиевской Библии начало 1-й книги Паралипоменон содержит имя *Thubal* в виде кириллического *ѳѳѳѳѳѳ*, тогда как на полях к нему написано исправление *тѳ* (см. рис. 2: *Волок. 9*, л. 1 об.)⁴, — и в итоговом списке *Син. 915* ровно на этом месте, причем уже без исправления на полях, стоит форма *ѳѳѳѳѳѳ*, в которой как будто бы учтено оба варианта, то есть над начальным *ѳѳ* дописано выносное «твердо». Если большинство таких двойных написаний с выносной буквой появлялось в рукописях Геннадиевского кружка в результате правки *т* на *ѳ*,

³ См. обзор рукописей, созданных восточно- и южнославянскими писцами в Константинополе и на Афоне в конце XIV — начале XV в. и оказавшихся на Руси [Вздорнов 1968], в частности одного из восточнославянских писцов Евсевия-Ефрема, работавшего в 1420-е гг. и, вероятно, знакомого с греческим языком [Гальченко, Яценко 1997]. Вопрос об употреблении в них «ѳиты» в этих статьях не рассматривается, однако появление написаний типа *ѳт/ѳт* или *тѳ/тѳ* не могло бы никак остаться незамеченным.

⁴ *Волок. 9* — один из двух кодексов 1490-х гг., написанных неким Кузмицей Златоустским (по всей видимости, клириком надвратной церкви Иоанна Златоуста в новгородском владычном дворе) и посланных из Новгорода Иосифу Волоцкому [Грищенко, Понарядов 2021: 20–22].

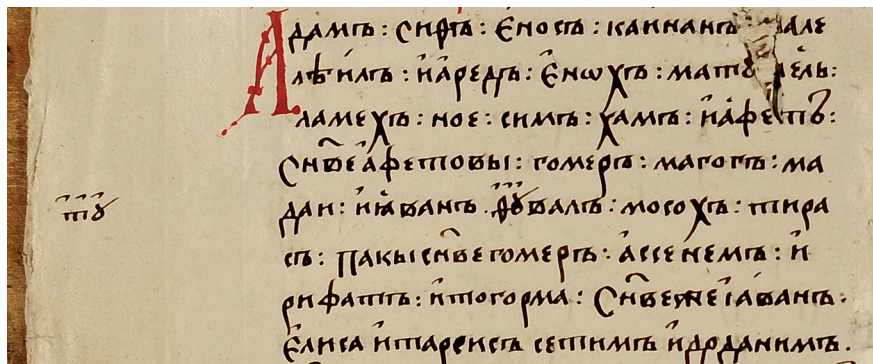

Рис. 2. Начало 1-й книги Паралипоменон в кодексе с церковнославянскими переводами с латыни, 1490-е гг.

Fig. 2. The beginning of 1 Chronicles in the codex with Church Slavonic translations from Latin, 1490s

то идея о чисто графическом, не обусловленном каким бы то ни было произношением «тэты», происхождении написаний **т̑** или **ѳ̑** (и, соответственно, произношения /tf/ или /ft/) не представляется столь уж фантастической.

Почему же в одной и той же рукописи, в одной и той же библейской книге, переведенной специально для Геннадиевской Библии с латыни, под пером одного и того же писца латинское сочетание *th*, соответствующее греческой букве **Θ**, передавалось то через **т**, то через **ѳ**, то через составные написания **т̑** или, реже, **ѳ̑** (которые еще реже записывались в строке как **тѳ**)? Можно предложить следующее объяснение, учитывающее как графические, так и производительные факторы: при переводе с латыни, видя написание *th*, геннадиевские книжники знали, что в известных им системах произношения латыни оно читается только как /t/, поэтому использовали для его передачи в основном **т**, но при этом поверхностных знаний греческого у них хватало на то, чтобы соотнести латинское *th* с греческой «тэтой», которая передавалась кириллической «ѳитой» (точнее, эта была ровно та же «тэта»), и поэтому часть имен с *th* они записывали также с «ѳитой», а еще некоторое количество — используя контаминацию **т** и **ѳ** (где **ѳ** надписывалась сверху как альтернатива **т**), имея, вероятно, в виду, что произноситься такая контаминация должна как /t/ (именно поэтому использование здесь выносной «ѳиты» В. А. Ромодановская расценивает как «указание на этимологическую греческую тету» [Ромодановская 2011: 636]). Однако уже писцы, не знавшие греческого, при копировании меняли местами **т** и **ѳ** и как основное/выносное написание, и в их последовательности в строке, так что появились вторичные написания **ѳ̑** и **ѳт** (далее переосмысливавшееся как **ѳт**), сохранившиеся затем в рутенской книжности.

О том, что такие перестановки вели к радикальному искажению орфографии и, как следствие, звучания заимствованных латинизмов с сочетанием *th*, достаточно ярко свидетельствует судьба названия Талмуда в несколько более

позднем, начала XVI в., переводе Геннадиевского кружка — в трактате «Доказательство пришествия Христа» Николая де Лиры (перевод атрибутируется Дмитрию Герасимову). Латинская форма *Thalmud* в списке пер. пол. XVIII в. (более ранних не сохранилось) передается как **тѧлмѹ**, **тѧѡлмѹ**, **тѧѡльмѹ** и даже **тавлѡмѹдѹ** [Федорова 2021: 290, 417, 464]. Механизм искажения исходного кириллического написания здесь совершенно прозрачен: сначала возникла форма ***тѧл(ь)мѹдѹ** с уже знакомым нам приемом передачи латинского *th* (тут примечательно, что греческий язык не знал этого слова до начала XVIII в., тем более с начальной «тэтой»⁵), затем выносная «ѡита» сдвинулась правее, оказавшись над буквой **л** (эту форму мы уже находим в цитируемой рукописи), что далее породило еще более искаженное написание **тѧѡльмѹ** — с опусканием «ѡиты» в строку, но не на правильное место, после **т**, а с ошибкой, после **л**; написание же **тавлѡмѹдѹ** возникло, судя по всему, в результате перестановки буквы **в** из гиперкорректного ***втѧл(ь)мѹдѹ**, где начальное **в** перед **т** в русском произношении не могло читаться иначе, как /f/, то есть эта форма возникла из-за опускания «ѡиты» в строку, но в данном случае — в самое начало слова (***ѡтѧл(ь)мѹдѹ** или ***ѡтѧл(ь)мѹдѹ**), что дало результат, совпавший с рутенским /ft/ на месте «ѡиты». Аналогичные трансформации произошли в этой рукописи «Доказательства пришествия Христа» и в других словах, содержащих в латинском оригинале сочетание *th*: **метаѡфорское** ← *methaphorica*, **тѧѡмѹ** ← *thamaui*, **тѧѡминь** ← *thamin*, **тѧминѹмѹ** ← *thaminum* — наряду с **левиате** ← *leviathe*, **маѡѡ** ← *Mathaeus*, **птоломѡи** ← *Ptholomeus* (по латинско-церковнославянскому указателю [Федорова 2021: 325–426]). Без учета этих искажений название Талмуда, транслитерированное с латинской формы *Thalmud* Дмитрием Герасимовым, было курьезно кодифицировано в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» как *тафлѹмуд*, или *тавлѹмудѹ* (равно как и возведено напрямую к древнееврейскому *talmúđ*, где первый согласный взрывной) [Крысько (гл. ред.) 2011: 226].

Без ответа пока остается наш третий вопрос — о том, почему произношение «ѡиты» как /ft/ закрепилось в рутенской традиции, не повлияв в итоге на московскую. Если предположить, что именно у восточнославянских книжников Великого княжества Литовского и Короны Польской это произношение (а поначалу, как следует из свидетельств Геннадиевского кружка, написание) и возникло, то вопрос может быть снят: где возникло, там и получило распространение, а новгородские переводы остались лишь случайным эпизодом. Но где же рутенские свидетельства ранее начала XVII века? И при чем тут Геннадиевская Библия?

Рутенский язык (называемый также «прѡстой мовой», «руськой мовой» и западнорусским литературным языком) начиная с XV в. использовался в качестве официально-делового языка также и в Молдавском княжестве — позднесредневековом государстве, населенном как носителями старорумынского

⁵ Согласно TLG, самые ранние употребления слова *Ταλμούθ* (с конечной «тэтой», что отражает оглушение *đ*) в греческих текстах отмечены у Досифей II Нотары, патриарха Иерусалима (1669–1707), в его «Истории Иерусалимских патриархов», опубликованной в 1723 г.

языка, так и восточными славянами, носителями староукраинских говоров. Именно поэтому в «Словаре староукраинского языка XIV–XV вв.» молдавские грамоты XV в., где встречаются написания имен с этимологической «тэтой» *Мефтод* (1458 г., из *Μεθόδιος*, в грецизированном церковнославянском написании — **Меѳодїи**), *Тимофтеоу* и *Тимофтїи* (оба 1491 г., из *Τιμόθεος* / **Тїмоѳєи**), *Фтеодороу* (1467 г., из *Θεόδωρος* / **Ѳєѳѳорь**), были признаны староукраинскими [Гумецька (голов. ред.) 1977: 587; Гумецька (голов. ред.) 1978: 431, 503], однако первая из грамот, с именем *Мефтод*, на проверку оказалась подложной и в действительности была написана на рубеже XVI–XVII вв. [DRH-A, vol. II: 418–421, № IV]; грамоты с именами *Тимофтеоу* и *Тимофтїи* известны лишь по копиям пер. пол. XVIII в. [DRH-A, vol. III: 169–172, № 86; 199–201, № 100], поэтому не могут рассматриваться в качестве надежного источника по истории орфографии; а грамота с именем *Фтеодороу*, судя по более новому и исправному изданию, содержит это имя в написании **Тєѳѳорѳ** [DRH-A, vol. II: 211–213, № 146], что подтверждается фотокопией самой рукописи [ADM: pl. XII].

Использование в молдавских грамотах личных имен греческого происхождения подчинялось в целом старорумынской традиции, для которой были вполне естественны непосредственные контакты с греческими и болгарскими книжниками, а также использование церковнославянского языка среднеболгарского извода в качестве богослужебного (отсюда стандартная передача «тэты» через **т**) — и при этом из источников известны старорумынские формы тех же имен (частично из тех же молдавских грамот) *Meftodi* / *Miftodi*, *Ftudor*, *Timofteiu* / *Timofte* / *Temofte* / *Timofti* [DOR: 107, 159, 161], а также *Dosoftei* (под этим именем известен Досифей, митрополит Сучавский и всей Молдавии, 1671–1686 гг.), *Marfta*, *Fteofan* и т. п. [DOR: 46, 103, 159]. Автор цитируемого словаря Н. КонстантINESКУ считает, что формы календарных имен с *ft* и *f*, передающие византийскую «тэту», «славяно-русского» (то есть в данном случае — староукраинского) происхождения [DOR: XVII], что отмечается там же в словарных статьях. Время появления такого рода форм в молдавской письменности установить довольно сложно, поскольку многие грамоты дошли в поздних списках, и этот вопрос требует отдельного изучения, однако источник замены этимологической «тэты» на сочетание *ft* здесь ясен — рутенская традиция, однако и она плохо изучена с точки зрения истории орфографии заимствованных слов.

Тем не менее один надежный книжный источник второй половины XV века, созданный в рутенском ареале, предположительно в Киеве, и содержащий явные свидетельства замены этимологической «тэты-ѳиты» на /ft/, оказался нам хорошо известен: это так называемое Правленое славяно-русское Пятикнижие — церковнославянское по своему языку, восточнославянское по редакции текста и содержащее множество исправлений в тексте и глосс на полях, связанных с иудейскими источниками, прежде всего с древнееврейским Масоретским текстом Библии, раввинистическими толкованиями на

него и переводом (таргумом) Пятикнижия на старотатарский язык, который использовался тюркоязычными иудеями Великого княжества Литовского — выходцами из Орды [Грищенко 2018]. Правленое Пятикнижие известно на сегодня в 23 списках 1490-х гг. — третьей четверти XVI в.; кроме того, с Правленным Пятикнижием связано еще несколько восточнославянских библейских рукописей, в которых обнаружили следы знакомства с ним, прежде всего это основной список Геннадиевской Библии 1499 г.: Пятикнижие в его составе разделено на синагогальные недельные главы и имеет особое Оглавление, соответствующее этому делению и являющееся одной из характерных черт именно Правленного Пятикнижия⁶. Из этих 23 списков по меньшей мере два надежно локализируются на рутенских землях: это Виленское Пятикнижие митрополичьего дьяка Федора, оконченное в 1513 г. при Успенском кафедральном соборе в столице Великого княжества Литовского — Вильне (*Вил.* 51), и недавно выявленное Хиландарское Пятикнижие рубежа XV–XVI вв. (*Хил.* 279), которое по орфографическим и палеографическим особенностям выдает рутенского писца. Еще одним точно датированным писцом является Волоколамское Пятикнижие Павла Васильева 1493 г. (*Волок.* 8 — место его создание, равно как и происхождение самого Павла Васильева неизвестно, хотя по умолчанию связывали с Новгородом); в качестве дополнительных параллелей привлечем данные еще нескольких списков. Итак, в Правленном Пятикнижии — пока почему-то только в книге Чисел — обнаружилось несколько древнееврейских по происхождению имен собственных, которые в греческой версии записывались через «тэту», в латинской этой «тэте» соответствовало сочетание *th*, а здесь — сочетание **ѠТ** или **Ѡт** (также с выносными буквами):

- имя второго сына Левия и деда Моисея — Каафа (др.-евр. *Qəhāī*, греч. *Καάθ*, лат. *Saath*)⁷ — записано в *Хил.* 279 как **кѡѡѠтъ** Числ 3:27 (л. 172 об.), **кѡѡѠтѠ** Числ 4:34 (л. 175 об.); в *Волок.* 8 как **кѡѡѠтъ** Числ 3:27 (л. 239 об.), **кѡѡѠтовъ** Числ 4:34 (л. 243 об.); ср. в других списках: *Солов.* 74/74 — **кѡѡѠтъ** Числ 3:27 (л. 149); *Тух.* 453 — **кѡѡѠтъ** Числ 3:27 (л. 290 об.); *Q.I.1407* — **кѡѡѠтовъ** Числ 4:34 (л. 314 об.); *Погод.* 76 — **кѡѡѠтъ** Числ 3:27 (л. 216 об.);
- имя предводителя колена Иссахарова во время исхода из Египта — Нафанаила (др.-евр. *Nəṯan 'ēl*, греч. *Ναθαναήλ*, лат. *Nathanahel*) — записано в *Хил.* 279 как **наѠтанѡилъ** Числ 2:5 (л. 170 об.), **неѠтанѡилъ** Числ 7:18 (л. 180), **неѠтанѡи** Числ 7:23 (л. 180 об.); в *Вил.* 51 как **наѠѡнаѡель** Числ 7:18 (л. 179); в *Волок.* 8 как **наѠѡнаѡилъ** Числ 2:5 (л. 236 об.), **наѠѡтанѡилъ** Числ 7:18 (л. 250);

⁶ Подробнее о списках восточнославянского Восьми- и Пятикнижия см. в [Грищенко 2020]: там указано 22 списка Правленного Пятикнижия и еще нет сведений о Хиландарском Пятикнижии (*Хил.* 279).

⁷ Этот Кааф по случайному стечению обстоятельств дал свое имя древнерусскому толковому сборнику «Книга Кааф», о чем мы подробно писали в статье [Грищенко 2012], где также рассмотрено варьирование его имени по разного типа источникам.

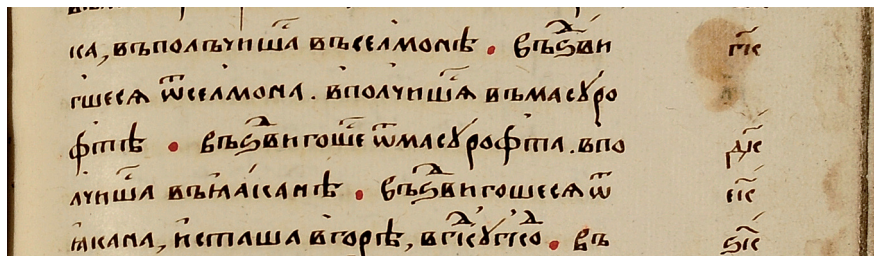

Рис. 3. Масурофт в Пятикнижии 1493 г. | Fig. 3. Masuroft in the Pentateuch of 1493

- название одного из мест остановки Израила во время блуждания по Синайской пустыне — Мосерофа (др.-евр. *Mōsērōt*, греч. *Μασουρώθ*⁸, лат. *Moseroth*) — записано в *Хил.* 279 как **въ масврофтѣ** Числ 33:30, **ѿ масрѳта** Числ 33:31 (л. 223 об.); в *Вил.* 51 как **в масѳрофтѣ** Числ 33:30 (л. 221); в *Волок.* 8 как **въ масврофтѣ** Числ 33:30, **ѿ масврофтѣ** Числ 33:31 (л. 302, см. рис. 3); ср. в других списках: *Тих.* 453 — **к масврафтѣ** Числ 33:30, **ѿ масврафта** Числ 33:31 (л. 370 об.); *Кир.-Бел.* 1/6 — **к масврофтѣ** Числ 33:30, **ѿ масѳрофта** Числ 33:31 (л. 322 об.); *Погод.* 76 — **въ мвсарофтѣ** Числ 33:30, **ѿ масврофта** Числ 33:31 (л. 274 об.).

Здесь следует уточнить, что исторически древнееврейская буква л «тав» в определенных позициях произносилась как щелевое *t* (поэтому в транслитерации форм Масоретского текста ее обозначают *t*), а потому передавалась в греческих переводах через «тэту», а в латинских — через *th*, однако в средневековом произношении библейского иврита древнее произношение «тава» сохранялось только в общинах Йемена, арабо- и арамеоязычных общинах Ирака, тогда как в европейских и других восточных общинах оно было видоизменено: у сефардов (евреев Испании) «тав» произносился просто как /t/, в итальянских общинах — как /d/, а у ашкеназов (евреев Германии и к XV веку — уже поселившихся на славянских землях, включая запад средневековой Руси) — как /s/ [Morag 2007: 555, 557]. Если в Геннадиевской Библии все приведенные выше имена из книги Чисел записываются традиционно через **ѳ**, **ф** или **т**, то написания **фт** / **ѳт** Правленого Пятикнижия, несмотря на его зависимость от Масоретского текста, никак не могут отражать никакого еврейского произношения, по крайней мере известного нам.

Таким образом, эти написания объясняются ровно так, как мы предположили выше, — контаминацией латинской и греческой форм, причем возникают они, судя по наличию их в Правленом Пятикнижии, вовсе не в Геннадиевском кружке, а у рутенских книжников, поскольку Правленое Пятикнижие

⁸ Хотя основным вариантом в критическом издании греческого перевода книги Чисел признается *Μασουρώθ*, церковнославянские формы XV в. восходят к *Μασουρώθ*, известному в греческих рукописях [LXX, Numeri: 391].

было принесено в Новгород, по всей видимости, из Киева — наряду с другими произведениями, оказавшимися необходимыми архиепископу Геннадию [Буланин 2022]; обратной миграции книг — из Новгорода в Киев — для начала XVI века не отмечалось: один из списков Геннадиевской Библии был доставлен в Острог для подготовки первого печатного издания, Острожской Библии 1581 г., лишь в 1570-е гг. Поэтому самой ранней фиксацией произношения «ѣиты» в виде /ft/ в рутенской книжности оказывается список Правленого Пятикнижия *Хил.* 279; современные ему списки Геннадиевской Библии, в которых используются написания типа **ѣт** / **тѣ**, представляются в этом отношении вторичными. Более ранние случаи могут найтись в деловой письменности — в староукраинских и молдавских грамотах, написанных на рутенском языке, но полагаться в этом случае стоит не на их публикации и на отражение отдельных форм в словарях, а непосредственно на рукописи.

Источники

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), Отдел рукописей.

РНБ — Российская национальный библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей.

Рукописи

Вил. 51 — Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских, Ф. 19, № 51: Пятикнижие, 1513 г., бумага, 2°, 279+1 лл.

Волок. 8 — РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 8: Пятикнижие 1493 г. с прибавлениями (конволют), бумага, 4°, I–II+564 лл.

Волок. 9 — РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 9: Библейские книги (Паралипоменон, Юдифь, Есфирь, Премудрости Соломона, пророка Иеремии), 1490-е гг., бумага, 4°, II+285 лл. + л. 126а.

Кир.-Бел. 1/6 — РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря (ф. 351), № 1/6: Еллинский летописец, 1550-е гг. (до октября 1556 г.), бумага, 2°, 863 лл.

Погод. 76 — РНБ, Собрание М. П. Погодина (ф. 588), № 76: Сборник, тр. четв. XVI в., бумага, 8°, 377 лл.

Син. 915 — ГИМ, Синодальное собрание, № 915: Библия полная, 1499 г., бумага, 1°, 1002 лл.

Син. 1043 — ГИМ, Синодальное собрание, № 1043: Изборник князя Святослава, 1073 г., пергамен, 1°, 266 лл.

Солов. 74/74 — РНБ, Собрание Соловецкого монастыря (ф. 717), № 74/74: Пятикнижие, 1510–20-е гг., бумага, 2°, 228 лл.

Тих. 453 — РГБ, ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова), № 453: Пятикнижие Моисеево, с поправками по еврейскому тексту, перв. треть XVI в., бумага, 8°, 483 лл.

Хил. 279 — Хиландарский монастырь (Афон), № 279: Пятикнижие Моисеево, рубеж XV–XVI вв., бумага, 4°, 284 лл. (по копиям микрофильмов, предоставленных Хиландарской исследовательской библиотекой в Университете штата Огайо по благословению братии Хиландарского монастыря на Св. Горе Афон).

Q.I.1407 — РНБ, Основное собрание рукописных книг (ф. 550), № Q.I.1407: Ветхий Завет: Пятикнижие (конволют: лл. 1–466 — рубежа XV–XVI вв., лл. 467–478 — сер. XVI в.), бумага, 4°, 478 лл.

Издания

Азбука гражданская 1710 — [Азбука гражданская с нравоучениями]. [Москва, январь 1710]. 19 с. [цифровая фотокопия экземпляра РГИА; Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина — электронный ресурс; режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/315769>].

Album de documente moldovenești din veacul al XV-lea / Publicate de P. Mihailovici. Iași: Institutul de arte grafice și editură «Brow», 1954. XII pl.

DOR — *Constantinescu N. A.* Dicționar onomastic românesc. București: Editura Academiei Rep. Pop. Romîne, 1963. LXXVII, 469 p.

DRH-A — *Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. II: 1449–1486.* București: Editura Academiei Rep. Soc. România, 1976. LVIII, 648 p.; Vol. III: 1487–1504. București: Editura Academiei Rep. Soc. România, 1980. LVIII, 686 p.

LXX, Numeri — *Septuaginta. Vetus Testamentum graecum.* Auctoriate Acad. Sc. Gottingensis ed. Vol. III, 1: Numeri / Ed. J. W. Wevers. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982. 444 p.

TLG — *The Thesaurus Linguae Graecae: A Digital Library of Greek Literature* [электронный ресурс; режим доступа: <https://stephanus.tlg.uci.edu/>].

Литература

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.

Буланин Д. М. К истории книжного обмена Новгорода и Литовской Руси в конце XV века («Библиотека еретиков») // *Русская литература.* 2022. № 2. С. 88–99.

Вздорнов Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. XXIII. Л.: Наука, 1968. С. 171–198.

Гальченко М. Г., Яценко А. Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсеием-Ефремом // *Вопросы языкознания.* 1997. № 1. С. 31–47.

Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Эллис, 2004. 456 с.

Грищенко А. И. Славянские приключения греческого Кефата: О происхождении названия древнерусской «Книги Кааф» // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* 2012. Vol. 1. No. 2. С. 95–110.

Грищенко А. И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М.: Древлехранилище, 2018. 176 с.

Грищенко А. И. Археография и текстология Правленого славяно-русского Пятикнижия XV века: новые данные // *Славяноведение.* 2020. № 4. С. 68–87.

- Грищенко А. И., Понарядов В. В. Новые находки памятников древнепермского языка и письма // Урало-алтайские исследования. 2021. № 4 (43). С. 7–34.
- Гумецька Л. Л. (голов. ред.). Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1977. 630 с.; Т. 2. Київ: Наукова думка, 1978. 591 с.
- Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. XIV, 494 с.
- Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М.: ЛЕКСРУС, 2011. 480 с.
- Макарий (Веретенников), архим. Герасимов Дмитрий // Православная энциклопедия. Т. XI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 171–173.
- Ромодановская В. А. Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. Т. X. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. С. 584–588.
- Ромодановская В. А. Русский библейский кодекс XV в. и его латинский оригинал: проблемы текстологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VII, ч. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 632–642.
- Ромодановская В. А. Геннадиевская библия: Основные итоги и перспективы изучения // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Древлехранилище, 2013. С. 266–285.
- Турилов А. А. Вениамин // Православная энциклопедия. Т. VII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 627–629.
- Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 334 с.
- Успенский Б. А. Книжное произношение в России: Опыт ист. исследования: дисс. ... д-ра филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1971. 1227 с.
- Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоносовский период отечественной русистики). М.: Наука, 1975. 232 с.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- Федорова Е. С. Школа перевода в Древней Руси на рубеже XV–XVI вв. Nicolaus de Lyra и Дмитрий Герасимов. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 480 с.
- Morag Sh. Pronunciations of Hebrew // Encyclopaedia Judaica. 2nd ed. / Ed. by F. Skolnik, M. Berenbaum. Vol. 16. Detroit et al., 2007. P. 547–562.

References

- Alekseev A. A. *Tekstologiya slavyanskoj Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. 254 p.
- Bulanin D. M. [Concerning on the history of the book exchange between Novgorod and Lithuanian Rus in the 15th century (“Library of Heretics”)]. *Russkaya literatura*, 2022, no. 2, pp. 88–99.
- Fedorova E. S. *Shkola perevoda v Drevnei Rusi na rubezhe XV–XVI vv. Nicolaus de Lyra i Dmitrii Gerasimov* [The School of Translation in Old Rus’ at the turn of the 15th – 16th centuries. Nicolaus de Lyra and Dmitry Gerasimov]. 2nd ed. Moscow, Publ. House YaSK, 2021. 480 p.
- Gal’chenko M. G., Yatsenko A. N. [Paleographic and graphic-orthographic features of the Ladders of 1421 and 1424, written in Constantinople and on Mount Athos by the Russian monk Eusebius-Ephraim]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1997, no. 1, pp. 31–47.
- Grigoreva T. M. *Tri veka russkoi orfografii (XVIII–XX vv.)* [Three centuries of the Russian orthography (18th – 20th centuries)]. Moscow, Elpis Publ., 2004. 456 p.
- Grishchenko A. I. [The Slavic adventures of Greek Kohath: On the origin of the title of the Old Russian Book of Kaaf]. *Slověne = Slovъne. International Journal of Slavic Studies*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 95–110.

- Grishchenko A. I. *Pravlenoe slavyano-russkoe Pyatiknizhie XV veka: predvaritel'nye itogi lingvotekstologicheskogo izucheniya* [The Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the fifteenth century: The Preliminary results of the linguistic and textological study]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2018. 176 p.
- Grishchenko A. I. [Archaeographic aspects and textual history of the Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the fifteenth century]. *Slavyanovedenie*, 2020, no. 4, pp. 68–87.
- Grishchenko A. I., Ponaryadov V. V. [The Newly discovered monuments of the Old Permian language and script]. *Ural-Altai studies*, 2021, no. 4 (43), pp. 7–34.
- Gumets'ka L. L. (ch. ed.). *Slovnnyk staroukrains'koï movy XIV–XV st.* [Dictionary of the Old Ukrainian language of the 14th – 15th centuries]. Vol. 1. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1977. 630 p.; Vol. 2. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1978. 591 p.
- Karskii E. F. *Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya* [Slavic Cyrillic paleography]. Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1928. XIV, 494 p.
- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 29. Moscow, LEKSUS Publ., 2011. 480 p.
- Makarii (Veretennikov), arkhim. [Gerasimov Dmitrii]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. XI. Moscow, Church Academic Center “Pravoslavnyaya entsiklopediya” Publ., 2006, pp. 171–173.
- Morag Sh. *Pronunciations of Hebrew. Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Ed. by F. Skolnik, M. Berenbaum. Vol. 16. Detroit et al., 2007, pp. 547–562.
- Romodanovskaya V. A. [Gennadiyevskaya Bible]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. X. Church Academic Center “Pravoslavnyaya entsiklopediya” Publ., 2005, pp. 584–588.
- Romodanovskaya V. A. [Russian biblical codex of the XV century and its Latin original: Textual criticism]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniï* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Resp. ed. N. N. Kazanskii. Vol. VII, part 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 632–642.
- Romodanovskaya V. A. [Gennadiyevskaya Bible: Main results and prospects of study]. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki: XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.: Doklady rossiiskoi delegatsii* [Writing, literature, folklore of Slavic peoples. History of Slavistics: XV International Congress of Slavists. Minsk, August 20–27, 2013: Reports of the Russian delegation]. Ed. by A. M. Moldovan. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2013, pp. 266–285.
- Turilov A. A. [Veniamin]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. VII. Church Academic Center “Pravoslavnyaya entsiklopediya” Publ., 2004, pp. 627–629.
- Uspenskij B. A. *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriya udareniya v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)* [From the history of Russian canonical names (The history of stress in canonical proper names in their relation to Russian literary and colloquial forms)]. Moscow, Publ. House of the Moscow University, 1969. 334 p.
- Uspenskij B. A. *Knizhnoe proiznoshenie v Rossii: Opyt istheskogo issledovaniya: diss. ... d-ra filol. nauk* [Book pronunciation in Russia: Experience of the historical research: diss. ... doctor of Philology]. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 1971. 1227 p.
- Uspenskij B. A. *Pervaya russkaya grammatika na rodnom yazyke (Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki)* [The first Russian grammar in the native language (the pre-Lomonosov period of Russian studies)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 232 p.
- Uspenskij B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian standard language (11th – 17th centuries)]. 3rd ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.
- Vzdornov G. I. [The role of Slavic writing workshops of Constantinople and Athos in the development of book writing and decoration of Russian manuscripts at the turn of the 14th – 15th centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Department of Ancient Russian Literature]. Vol. XXIII. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 171–198.